

БИБЛІОГРАФІЯ.

Искусство продлить человеческую жизнь (Макробіотика). Сочиненіе Х. В. Гуфеланда. *Перевелъ и дополнилъ* П. Заблоцкій. *Изданіе третье. Спб. 1856.*

Классическое теореніе Гуфеланда имѣетъ у насъ успѣхъ, котораго достойно. Въ четыре года три изданія! Едва ли это не единственный примѣръ въ новѣйшей нашей литературѣ. Дай Богъ только, чтобы примѣръ г. П. Заблоцкаго внушилъ и другимъ нашимъ ученымъ желаніе испытать, можетъ ли у насъ вознаграждаться трудъ, употребленный на переводъ классическихъ произведеній европейской науки и по другимъ отраслямъ, кромѣ медицины и естественныхъ наукъ. Медицинская наша литература, сравнительно съ литературою всеобщей исторіи, нравственныхъ и государственныхъ наукъ, довольно богата. Если публика, имѣя книгу доктора Чаруковскаго и многія другія хорошія популярныя сочиненія о медицинѣ и гігіенѣ, требуетъ третьяго и, конечно, потребуеъ четвертаго изданія книги Гуфеланда, то ужели она оставила бы въ подвалахъ книжныхъ магазиновъ творенія великихъ европейскихъ историковъ, юрнстовъ, политико-экононовъ, и проч., и проч., эти знаменитыя сочиненія, которыхъ содержаніе имѣетъ еще гораздо болѣе интереса, нежели могутъ имѣть медицинскія книги? Ужели наша публика оставила бы безъ вниманія, напримѣръ, классическія сочиненія по всеобщей исторіи, написанныя увлекательно и говорящія о предметахъ, о которыхъ на русскомъ языкѣ теперь рѣшительно нечего прочитать.

Г. П. Заблоцкій, дѣлая третье изданіе «Макробіотики», вновь пересмотрѣлъ переводъ и къ прежнимъ своимъ дополнительнымъ замѣчаніямъ прибавилъ еще статью о кумысѣ.

Жизнь адмирала **Θ. Θ. Ушакова.** Р. Скаловскаго. *Часть I. Спб. 1856.*

Адмиралъ Ушаковъ прославилъ свое имя при Императрицѣ Екатеринѣ II побѣдами надъ турецкимъ флотомъ въ Черномъ морѣ, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ успѣшными дѣйствіями противъ Французовъ на Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ. Жизнь и подвиги этого замѣчательнаго человѣка г. Скаловскій рассказываетъ очень подробно, главнымъ образомъ на основаніи официальныхъ документовъ, хранящихся въ Главномъ Морскомъ Архивѣ, и многочисленныхъ бумагъ, сохранившихся у наслѣдниковъ адмирала. Въ первомъ томѣ біографія доведена до завоеванія острова Корфу, въ 1799 году.

Θ. Θ. Ушаковъ родился въ 1745 году. Отецъ его, небогатый тамбовскій помѣщикъ, отдалъ сына въ Морской Кадетскій Шляхетный Корпусъ. По окончаніи курса, Θ. Ушаковъ два года прослужилъ въ балтійскомъ флотѣ, а въ 1768 году переведенъ въ черноморскій, тогда еще только возникавшій. По окончаніи первой турецкой войны, въ 1775 году, возвратился онъ на службу опять въ балтійскій флотъ; въ 1783, уже въ чинѣ капитана, былъ посланъ въ Херсонъ и назначенъ командиромъ корабля. Потемкинъ, заимѣвъ его храбрость и распорядительность, поручилъ ему, во вторую турецкую войну, начальство надъ флотомъ. Ушаковъ оправдалъ довѣріе князя побѣдами у Керченскаго пролива (18 іюля), у Хаджибея (28 и 29 августа 1790) и у мыса Калиакріи (31 іюля 1791). Это были первыя побѣды, одержанныя недавно созданнымъ черноморскимъ флотомъ. Совершенное разбитіе турецкаго флота въ послѣдней битвѣ и близкая опасность, угрожавшая Константинополю, такъ устрашили султана, что немедленно послано было приказаніе верховному визирю возобновить переговоры о мирѣ, которые за нѣсколько дней велѣно было ему прервать. Долго памятенъ былъ туркамъ паша Ушакъ. Когда Турціи, оскорбленная экспедиціею генерала Бонапарте въ Египтѣ, объявила, въ союзѣ съ Россіею и Англіею, войну Французской республикѣ, Ушакову было приказано идти черезъ Дарданеллы въ Архипелагъ и Іонійское море, для изгнанія оттуда французовъ. Острова Черига, Занте, Кефалонія и другіе были быстро очищены отъ непріятельскихъ гарнизоновъ; но сильнѣйшимъ пунктомъ, въ которомъ, подъ защитою грозной крѣпости, сосредоточивались главныя силы французовъ, былъ островъ Корфу. Портъ Корфу тогда былъ укрѣпленъ пятью фортами, и главная цитадель считалась столько же неприступной, какъ Мальта и Гибралтаръ. До 650 орудій защищали стѣны, построенныя на высокихъ скалахъ. Французскій гарнизонъ состоялъ изъ 3,000 человекъ, имѣлъ полугодовой запасъ провіанта и въ изобиліи снабженъ былъ боевыми снарядами. Ушаковъ почелъ удобнѣйшимъ начать нападеніе съ острова Видо, прикрывающаго мысъ, на которомъ выстроена крѣпость. 18 февраля 1798 г. сдѣлана была атака на этотъ сильный фортъ. Корабли наши подошли къ его стѣнамъ рано поутру. Къ 9 часамъ утра канонада достигла разрушительной силы, къ 11 часамъ непріятельскія батареи были большею частью сбиты. Тогда высадили на берегъ до 1,500 человекъ русскаго десанта. Французы защищались храбро, но были побѣждены быстрымъ натискомъ нашихъ солдатъ и матросовъ. Фортъ былъ взятъ. Болѣе 400 плѣнныхъ достались въ руки побѣдителей; немногіе успѣли спастись на лодкахъ въ крѣпость Корфу. То же самое утро назначено было и для нападенія на форты, соединенные на островѣ Корфу съ главною крѣпостью. Оно увѣнчалось также полнымъ успѣхомъ. Укрѣпленія св. Сальвадора и св. Авраама были взяты штурмомъ. Французскій генералъ, командовавшій крѣпостью, увидѣвъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и немедленно объявилъ русскому адмиралу, что сдается на капитуляцію. Такимъ образомъ, крѣпость, считавшаяся непобѣдимой, была покорена русскимъ оружіемъ. 2,931 человекъ военно-плѣнныхъ, въ томъ числѣ 4 генерала, 510 пушекъ, 105 мортиръ, 21 гаубица, 5,495 ружей, нѣсколько военныхъ судовъ, сотни тысячъ ядору и патроновъ были нашими трофеями. Побѣдитель былъ награжденъ за славный подвигъ чиномъ адмирала, а самъ Пельсонъ поздравлялъ его съ побѣдою.

Блокада вѣрности Костромы, или Русскіе въ 1608 году. Историческія сцены въ трехъ отдѣленіяхъ и трехъ картинахъ. Сочиненіе А. П. О—на. Спб. 1856.

Счастливъ тотъ, кого природа создала плохимъ ученымъ, несчастливъ, кого создала она плохимъ романистомъ или драматургомъ! Напримѣръ, чье остроуміе не будетъ изостряться надъ новымъ производемъ г. А. П. С—на? И сколько уже разъ жестоко смѣялись надъ нимъ! А чѣмъ лучше его «Историческихъ сценъ» многія книги и книжки съ учеными заглавіями? Ровно ничѣмъ. То же пустословіе, та же гладкость языка, та же витѣватость слога, та же реторика въ мысляхъ, которыя навязаны одна за другую безъ всякой надобности. А, между тѣмъ, кто рѣшается безъ подобающаго уваженія къ «познанимъ» и т. д. ученыхъ авторовъ говорить объ этихъ книжкахъ? Да откуда вы узнали, что у авторовъ ученыхъ книжекъ бываетъ всегда больше знаній, нежели у г. А. П. С—на? Одному извѣстно, что Дантъ написалъ суровую эпопею, которую можно назвать апопеезою среднихъ вѣковъ; другому извѣстно, что въ 1608 году поляки осаждали Кострому; одинъ съ восторгомъ открываетъ вамъ, будто важную новость, что статуи Фидіаса были идеально прекрасны; другому извѣстно, что Григорій Отрепьевъ называлъ себя Лжедмитріемъ и Самозванцемъ, женился на Маринѣ; одному знакомы имена Кантемира и Ломоносова, другому—Пожарскаго и Минина. Спрашиваемъ, на чьей сторонѣ перевѣсъ по обширности знаній? Вы говорите: однако же, заиѣтно, что одному равно доступны всѣ кѣрка и народы, а другой ограничивается тѣснымъ кругомъ отечественныхъ воспоминаній. Нимало. Г. А. П. С—на не упоминаетъ въ «Блокадѣ Костромы» о Дантѣ и Фидіасѣ только потому, что понимаетъ, какъ опытный авторъ, неумѣстность подобныхъ разсужденій въ его «Историческихъ сценахъ», а если бы захотѣлъ, могъ бы говорить о нихъ не хуже, нежели кто другой: развѣ онъ не доказалъ этого своею книгою «Жизнь Вильяма Шекспира, англійскаго поэта и актера, съ мыслями и сужденіями объ этомъ чловѣкѣ русскихъ писателей: Н. А. Полеваго, П. А. Плетнева и Л. А. Якубовича, и иностранныхъ: Гете, Шлегеля, Гизо и Вильмена»? Знаете ли вы эту книгу? Въ ней о Шекспирѣ говорится съ такимъ же краснорѣчивымъ, какое встрѣчаемъ мы въ иныхъ книжкахъ при разсужденіи о Кантемирѣ: «Поэтъ въ душѣ, чловѣкъ, въ которомъ отъ начала рожденія закованъ былъ Возвущій; вѣковой представитель прекраснаго и наслажденій, проявленіе цѣлой высокой мысли, брошенной на землю на удивленіе вѣкамъ, міръ всеобъемлемости,—Шекспиръ утопалъ въ океанѣ пылкаго воображенія». Какъ вамъ нравится эта возвышенность слога, чреватаго глубокими мыслями?

И, однако же, г. А. П. С—на, несмотря на его несомнѣнные познанія, несмотря на возвышенность его слога, безъ церемоній каждый называетъ плохимъ писателемъ, — потому, видите ли, что видъ онъ не считается ученымъ чловѣкомъ, — и этотъ же самый судья, столь строгій въ отношеніи г. А. П. С—на, дѣлается снисходителенъ, остороженъ, почти подобострастенъ, когда приходится ему оцѣнивать какое нибудь разсужденіе о Херасковѣ или Сумароковѣ, о Кантемирѣ или Пушкинѣ, которое въ ученѣмъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ книги г. А. П. С—на «Жизнь Вильяма Шекспира». О,

верхъ несправедливости! «Но то писалъ человѣкъ ученый». Да кто бы ни писалъ книгу, не все ли равно, если книга не имѣетъ никакого достоинства? И чѣмъ доказана его ученость? Быть можетъ, она и есть у него, да мы какое основаніе имѣемъ предполагать въ авторѣ то, чего не заблагоразсудилъ онъ обнаружить въ своихъ сочиненіяхъ? Быть можетъ, и г. А. П. С — нъ обладаетъ гигантскою ученостію, только не находитъ нужнымъ обнаруживать ее, полагая, что краснорѣчіе замѣняетъ собою все — и трудъ, и занятіе, и мысль?

Нѣтъ, мы не способны — по крайней мѣрѣ въ настоящее время — смѣяться надъ г. А. П. С — нымъ и его «Блокадою крѣпости Костромы», мы уклоняемся отъ всякихъ сужденій о немъ; пусть читатель судить самъ о неученыхъ и ученыхъ авторахъ, одаренныхъ краснорѣчіемъ А. П. С — на. Мы только выпишемъ заглавія трехъ отдѣленій и картинъ, на которыя раздѣлилъ онъ свои «историческія сцены».

Отдѣленіе 1. Картина 1. Все за вѣру и родину!

Отдѣленіе 2. Картина 2. Геройство русской боярыни.

Отдѣленіе 3. Картина 3. Огненная могила.

Содержаніе и художественныя достоинства пьесы видны изъ послѣдней сцены. Поляки пляшутъ краковякъ въ домѣ боярыни Образцовой-Хабаровой. Въ подвальномъ этажѣ дома устроенъ пороховой погребъ.

«Въ половинѣ краковяка, боярыня Образцова-Хабарова тихо входитъ слѣва, блѣдная, съ распущенными волосами; въ рукахъ у ней горлщій фаваль. Ляжи не замѣчаютъ ея, вравовякъ продолжается.

Образцова—Хабарова. Пируйте, пируйте, друзья! Дешевъ пиръ нашли вы по вѣву, да по спадобьямъ, — дорогъ опъ по душамъ христіанскимъ! Весело вамъ теперь бѣсноваться! какъ-то заплещете вы подъ ною музыку! (Врывается въ средину полявовъ. Краковякъ оствавливается, всѣ въ изумленіи.) Злодѣя! слушайте! Не опозорить вамъ вашей родины! Не насмѣяться вамъ надъ честью русской боярыни! Все готово! Дѣло сдѣлано! Пора! (Бросаетъ фаваль въ окно; спустя минуту слѣдуетъ страшный взрывъ, — стоны, вопль, молчаніе).

Краснорѣчиво, какъ видите, и даже грамотно; чего же болыше требовать отъ бѣдной пьески безъ всякихъ претензій, когда я въ сочиненіяхъ, предъявляющихъ огромныя притязанія на ученое значеніе, не бываетъ иногда другихъ достоинствъ?

Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы (введеніе въ изученіе его сочиненій). *Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета экстраординарнымъ профессоромъ русской словесности Николаемъ Булчешъ, 9 октября 1855 года. Казань.*

Мы никогда не могли побѣдить въ себѣ нѣкотораго предубѣжденія противъ молодыхъ ученыхъ, занявшихъ въ послѣдніи годы разработкою исторіи русской литературы. Не то, чтобъ мы не цѣнили пользы, какую приносятъ ихъ труды: напротивъ, только тотъ, кому судьба дала жребій писать рецензіи, вполне понимаетъ, какъ эти труды полезны, потому что они ему-то именно и должны служить пособіемъ; и не то, чтобы мы не умѣли уважать прекрас-

ныхъ дарованій и обширныхъ знаній, которыми обладаютъ эти люди: напротивъ, никто не уважаетъ ихъ такъ глубоко, какъ рецензентъ, которому обыкновенно приходится скорбѣть о томъ, что далеко не всѣ писатели обладаютъ этими качествами: поелѣ десятка пустыхъ книжекъ и статей, одиннадцатая, если она хороша, кажется ему превосходною, и онъ готовъ бываетъ за эту отраду благодарить ея автора съ восторгомъ, непонятнымъ и смѣшнымъ для человѣка, который читаетъ книги по собственному выбору, стадо быть, читаетъ постоянно книги, которыя не наводятъ на него скуки и тоски. Не потому чувствовали мы всегда какое-то предубѣжденіе къ специалистамъ, занимающимся исторіею нашей литературы, что не уважали ихъ, а потому, что знаше дѣлаетъ этихъ людей слинкомъ требовательными: отъ каждаго, кто хочетъ писать объ исторіи литературы, требуютъ они, чтобъ онъ изучалъ свой предметъ серьезно, не отдѣлывался пустыми фразами, общими мѣстами. Къ чему такая суровость? она вовсе не гуманна; уступчивость, по нашему мнѣнію, важная добродѣтель. Пусть каждый пишетъ какъ и что ему угодно, хотя бы даже нустыя фразы: значить, лучшаго онъ не умѣетъ написать, и осуждать бѣдняка не за что. Есть и другая причина недовѣрія нашего къ этимъ специалистамъ: они увлекаются любовью къ своему предмету до того, что приходитъ въ восторгъ отъ каждаго, кто говоритъ съ ними о библиографіи, вѣрять ему наслово, что онъ занимается исторіею литературы, готовы хвалить самую пустую книгу, если только авторъ наговоритъ имъ, что онъ библиографъ. Это даже недостатокъ: библиографіи прекрасное дѣло, но только тогда, когда ею занимаются серьезно, и ученныя замашки не должны служить защитою, если книга съ такими заманками пуста. Справедливость должна быть выше самой любви къ библиографіи.

Это все мы говоримъ къ тому, что теперь представился случай, вполне оправдывающій наши отчасти мрачныя чувства къ молодымъ специалистамъ. Впередъ знаемъ, что новое сочиненіе г. Булича не понравится имъ, пожалуй, вызоветъ даже улыбку на ихъ суровыхъ устахъ. Не найдя въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ разработки фактовъ, столь упорно ими требуемой отъ каждаго, будто бы во имя науки (да развѣ наука нуждается въ каждомъ встрѣчномъ?), они рѣшительно осудятъ эту маленькую книжку, забудутъ даже—о, какъ люди злы!—что сами хвалили первое сочиненіе г. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика», въ которомъ видѣли библиографическія стремленія; объявятъ это несчастное новое произведеніе того же самаго ученаго, конечно, въ два года не успѣвашаго утратить своихъ знаній,—объявятъ, говоримъ, это новое сочиненіе не выдерживающимъ самой снисходительной критики, наборомъ общихъ мѣстъ, никому не нужныхъ, и громкихъ фразъ, ничего не говорящихъ,—и мало ли чего могутъ ени насказать въ своемъ негодовавіи за то, что новое произведеніе г. Булича покажется имъ не похоже на первое.

Но мы имъ скажемъ: милостивые государи, библиографы молодого поколѣнія! вы беретесь рѣшительно не за свое дѣло. Послушайте насъ, которые, быть можетъ, не занимались разработкою исторіи русской литературы, но зато твердо помнимъ изученныя когда-то нами правила реторики. Судить о новой книгѣ г. Булича наше дѣло.

Рѣчь, произносимая въ торжественныхъ собраніяхъ, гдѣ находятся люди всякаго возраста и образованія, должна быть приспособлена къ разумѣнію cadaго. Вы знаете, что Карамзинъ былъ хорошій русскій писатель, а иной не знаетъ: ему надобно разсказать объ этомъ. Вы знаете, что Пушкинъ написалъ «Евгенія Онѣгина», а для иного будетъ великою новостью, если сказать ему это. Вы знаете, что русскіе—народъ храбрый, а иной и этого не зна... виноваты, мы заговорились: конечно, каждый знаетъ, что русскіе—народъ храбрый, но и объ этомъ поговорить не мѣшаетъ; хорошо также припомнить и Данта, и Гомера, и Александра Македонскаго, и Фидіаса, и всѣхъ прочихъ, кого знаешь: иному слушателю ихъ имена тоже могутъ быть новостью. Такимъ образомъ, составивъ рѣчь, вы принесете почти каждому слушателю какую нибудь пользу, а кому не принесете пользы, тому доставите удовольствіе. Но не забудьте, что вы пишете торжественную рѣчь: торжественная рѣчь пишется высокимъ слогомъ,—иначе не бывало отъ плишева панегирика Траяну до нашихъ дней. Такъ и поступилъ г. Буличъ.¹ Начинаетъ онъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ наше время, въ годину великой борьбы, когда отечество наше на кровавыхъ поляхъ битвъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, отстаиваетъ независимость началъ своихъ и вѣковую честь историческаго существованія, когда возвышеннымъ порывомъ звучитъ грудь cadaго русскаго челоука, отрадно русскому сердцу обратиться въ одному изъ тѣхъ великихъ людей своей родины, которые въ области мысли, въ области прекрасной художественной дѣятельности составляютъ честь русскаго народа, гордость и славу его; и т. д.»

Потомъ онъ поговорилъ о Пушкинѣ, все тѣмъ же высокимъ слогомъ, потомъ объ искусствѣ вообще, потомъ изложилъ всю исторію русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина, потомъ опять поговорилъ о Пушкинѣ и заключилъ все такимъ образомъ:

«Лавры поэзіи сплетались у насъ всегда съ лаврами брани.¹⁾ Ломоносовъ, Державинъ, Жуковскій и Пушкинъ плѣли военные громы и славу русскаго оружія. И мы вызываемъ теперь всѣми силами души изъ плодотворнаго лова нашей Россіи будущаго пѣвца, мы громко зовемъ его, участника будущей славы, поэта грядущихъ надеждъ и стремленій народныхъ, поэта грядущаго величія, за которое говорить намъ само сердце наше».

Отъ начала и конца перейдемъ къ срединѣ. Авторъ излагаетъ теорію искусства, а потомъ исторію русской литературы. Теорію искусства мы пропустимъ: даже при изложеніи обыкновеннымъ нынѣшнимъ слогомъ, этотъ предметъ у многихъ писателей даетъ поводъ къ превосходнымъ тирадамъ, а когда писатель придерживается высокаго слога, то и подавно. Мы лучше прямо возьмемъ за исторію русской литературы и послушаемъ, что такое говорится о Кантемирѣ. Говорится о немъ немного, но и немало, почти на трехъ страницахъ:

¹⁾ Брань въ высокомъ слоgѣ всегда значить война, и потому двусмысленія тутъ нѣтъ. Фраза означаетъ, очевидно: «вои наши поэты писали оды на побѣды», а вовсе не то, чтобы поэты у насъ всегда подвергались разнымъ несправедливостямъ, какъ-то: выговарамъ я проч. Этотъ смыслъ имѣла бы фраза только въ низкомъ слоgѣ.

«Въ диквѣхъ, но благородныхъ звукахъ Кавтемира слышатся великое время, вызвавшее его сатиру. Эта пестрая смѣсь словъ и поштіи, занесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, порожденныхъ новыми потребностями общественными, этотъ неустановившійся складъ рѣчи и чуждый русскому уху размѣръ стиха, вполне выражаютъ то время работы, когда изъ разобранныхъ кирпичей стараго зданія складывалось новое, которону исполняющая мысль и воля зодчаго прочили такую великую и прекрасную будущность. Тотчасъ же въ слѣдъ за этою первою работою раздалась звуки русской поэзіи. Естественно, что въ вѣкахъ шрвхъ слабыхъ порывахъ ая трудно искать и невозможно найти художественнаго выраженія мысли—прекрасной формы. Виолнѣ изящная форма вырабатывается трудною работою, до нея достигаютъ цѣлой исторіей развитія искусства, и она является только тогда, когда найдется для нея достаточное содержаніе въ жизни, окружающей художника. Только тогда содержаніи празднуетъ свой гармоническій союзъ съ формою, и созданіе является передъ очами человѣка стройное и блестящее, полное жизни и красоты. Не готовыми и съ разу изящными явились въ скульптурѣ прекрасные тѣлы древнихъ боговъ и богинь Греціи. Содержаніе, которое дало имъ такую роскошную форму, многолиш должна была сана выдержать цѣлый процессъ въ сознаніи древняго язычника, пока вылилась въ свойственную ей и вполне совершенную форму. Эгипетскіе мраморы, выражая собою колебанье идей миеологическихъ, очень далеки еще отъ идеальныхъ созданій Фидіаса... и т. д.»

И т. д., еще около двухъ страницъ. Посмотримъ, что говоритъ авторъ о Жуковскомъ:

«Трудно мужу, искусившемуся жизни, начать снова мечтательную жизнь юности, увлекаться вновь давно разлетѣвшимися идеалами, плакать по прежнему горячими слезами молодости. Его положеніе будетъ и ложно и смѣшно. Какъ человѣкъ не возвращается на обратный путь жизни, такъ и народъ не въ состояніи воротить своего нивушаго, отжившихъ и вынержихъ началъ. Средніе яѣва были юношескою порою европейскаго человечества; они необходимы были для его воспитанія. Здѣсь, какъ въ юности человѣка, все было ностройно, все было неопредѣленно. Благородный порывъ рыцарскаго уваженія къ женщинѣ, забытой и презрѣнной древнимъ міромъ, смѣнялся грубыми увлеченіями феодальной силы; поэзія трубадуровъ и мианезингеровъ, вся проникнутая стремленіями сердца, раздавалась въ замкахъ бароновъ, передъ которыми дрожали толпы жалкихъ вассаловъ. Самое чувство въ среднихъ вѣкахъ не имѣло опредѣленныхъ и точныхъ границъ: оно было порывающемъ въ чему-то незнаемому и неясно сознанныму. Личности человѣка открывался широній произволъ, и вотъ почему почва среднихъ вѣвовъ была плодородна для поэзіи. Средніе вѣва имѣли свою собственную могучую поэзію въ гигантской эпопее Данта, которая можетъ быть названа апопеею среднихъ вѣковъ. Суровый флорентинецъ заключилъ въ широкихъ рангахъ своей поэмы все, что составляло сущность этой исторической эпохи. Въ ней и борьба свѣтской и духовной власти, составлявшая большую частію всю исторію среднихъ вѣковъ; въ ней и энергическія личности Гвальфовъ и Гибеллиновъ, уносившихъ даже въ могилу свои земныя страсти в политическія убѣжденія; въ ней и нѣжная, мечтательная, безъ всякаго воздержанія и раздѣла, любовь къ Беатриче; въ ней и наука среднихъ вѣковъ. въ которой... и т. д.»

И т. д., пока будетъ написано 74 страницы, если хотите, дѣйствительно, наполненные одними общими мѣстами и риторическими фразами, но написанныя очень краснорѣчиво и возвышеннымъ слономъ. Вы удивляетесь, откуда берется столько громкихъ словъ, при такомъ скудномъ запасѣ мыслей и фактовъ? Какъ откуда? «Источники изобрѣтенія» указываются правилами науки краснорѣчія. Что такое источники изобрѣтенія? Вотъ что: мнѣ нужно поговорить о Пушкинѣ. Я ничего особеннаго не помню, а трудиться, собрать факты и обдумать предметъ мнѣ нѣтъ времени или охоты. Я поступаю слѣдующимъ образомъ:

Пушкинъ имѣлъ предшественниковъ,—поговоримъ о нихъ, наложимъ все, что помнится намъ, объ исторіи русской литературы; поговоримъ и о литературѣ вообще, поговоримъ и о грекахъ—вѣдь у нихъ тоже была литература—поговоримъ и о среднихъ вѣкахъ—вѣдь у нихъ тоже была своя поэзія, и т. д., поговоримъ обо всемъ, что приходитъ на умъ—и будетъ хорошо. Я нынѣ пишу рѣчь о значеніи Грибоѣдова въ русской литературѣ и непремѣнно вставляю въ нее слѣдующее прекрасное описаніе, когда буду говорить о современномъ русскомъ краснорѣчии. Оратора я сравню съ павлиномъ.

О ПАВЛИНѢ.

Расширивъ хвостъ свой разностію цвѣтовъ, гордится, когда они безпрестанно перемѣняются и приобрѣтаютъ тѣмъ новую пріятность. Сіе особливо бываетъ въ прекрасныхъ и радугѣ подобныхъ кружкахъ, которые онъ на концѣ каждого пера показываетъ. Ибо гдѣ прежде сверкали рубины, ужь тутъ по наломъ наклоненіи золото блистаетъ, съ одной стороны лазорью, съ другой багряностію; на солнцѣ жемчугомъ, въ гвни изумрудами взоръ увеселяютъ.

Мысли очень хороши. Языкъ нѣсколько устарѣлъ, это правда, но его можно будетъ подновить.

Статистическое обозрѣніе промышленности Московской губерніи, составленное Ст. Тарасовымъ. Москва. 1856.

Книга г. Тарасова составлена по официальнымъ даннымъ; потому цифры, ею представляемыя, должны служить основаніемъ всѣхъ статистическихъ соображеній о настоящемъ состояніи промышленности Московской губерніи. Конечно, для читателей будетъ интересно познакомиться съ этими важными данными: Москва съ своею губерніею—центръ всей русской мануфактурной дѣятельности. Общему статистическому обозрѣнію у г. Тарасова предшествуетъ историческій очеркъ развитія московскихъ мануфактуръ, и точно такое же правило соблюдается авторомъ при обозрѣніи каждой отдѣльной отрасли промышленности.

Москва сдѣлалась средоточіемъ нашей индустріи послѣ паденія Новгорода. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ она, ведя торговлю съ Западною Европою черезъ Архангельскъ, имѣла уже обширныя сношенія съ Азіею черезъ Казань, Макарьевъ и Нижній Новгородъ. Мануфактуры наши, какъ извѣстно, основаны Петромъ Великимъ. Въ 1773 году, Московская губернія имѣла 90 фабрикъ. Но особенно развилась въ Москвѣ промышленность послѣ изданія охранительнаго тарифа 1822 года.

Въ 1853 году, къ которому относятся свѣдѣнія, собранныя г. Тарасовымъ, въ Московской губерніи считалось 1,485 фабрикъ; ткацкихъ и набивныхъ становъ 63,673; фабричныхъ рабочихъ 117,677 человекъ; товаровъ произведено на сумму 55,975,694 р. 28 коп. Цифры эти распредѣлялись между столицею съ ея уѣздомъ и 12 другими уѣздами губерніи такимъ образомъ:

Фабрикъ и заводовъ.	Ставовъ.	Работниковъ.	Сумма произведеній.	
Москва и ея уѣздъ	939	29,651	58,324	36,813,818 р. с.
Уѣзды: Дмитровскій	40	1,016	5,955	2,340,915 >
Клиаскій	45	442	1,531	484,607 >
Волоколамскій.	21	572	741	36,366 >
Можайскій.	17	139	960	284,210 >
Рузскій	13	352	2,105	543,065 >
Верейскій	12	90	1,827	842,737 >
Звенигородскій.	48	1,069	3,883	1,332,095
Подольскій	13	393	1,539	590,818 >
Серпуховскій	66	11,939	12,059	3,243,852 >
Коломенскій	48	5,918	6,344	1,299,828 >
Бронницкій	59	2,285	4,887	1,297,370 >
Богородскій	154	9,810	17,522	6,886,009 >

Изъ этого видимъ, что въ юго-западныхъ уѣздахъ промышленность развита несравненно сильнѣе, нежели въ сѣверо-восточныхъ. Видимъ также, что Москва съ своимъ уѣздомъ производитъ, по цѣнности, почти двѣ-трети всѣхъ товаровъ; Богородскому уѣзду принадлежитъ почти одна восьмая, Серпуховскому—одна пятнадцатая, Дмитровскому—одна двадцать-пятая часть всѣхъ производимыхъ фабричныхъ цѣнностей.

По различнымъ отраслямъ промышленности общая сумма производимыхъ цѣнностей распределяется такъ:

Фабрика и заведенія:	Цѣнность производства.
Ваточныя, бумагокрасильныя, бумаготкацкія и набивныя	13,247,997 р.
Шерстяныя	10,424,940 >
Бумаго-прядильныя.	7,568,953 >
Шелковыя и полушелковыя	5,865,192 >
Шерсто-бумажныя	4,237,468 >
Металлическія, какъ-то: золотопрядильныя, мѣдныя, бронзовыя, колокольныя, желѣзныя, проволочныя, игольныя, чугунно-литейныя и проч.	3,388,313 >
Кожевенныя.	1,754,958 >
Табачныя	1,578,409 >
Химическія	1,149,984 >

Изъ другихъ отраслей промышленности болѣе, нежели въ 500,000 р. оцѣнивается производство стеариновыхъ заводовъ и экипажныхъ заведеній; отъ 250,000 до 500,000 — фабрикъ писчей бумаги, механическихъ и оптическихъ заведеній, мыловаренныхъ, салотопенныхъ, пивоваренныхъ и водочныхъ заводовъ, воскобойныхъ и парфюнерскихъ заведеній, фарфоровыхъ и кирпичныхъ заводовъ.

Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Съ портретомъ Н. В. Гоголя. Спб. 1856.

Два года тому назадъ, въ нашемъ журналѣ былъ напечатанъ «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя», заключавшій въ себѣ множество драгоценныхъ матеріаловъ для изученія жизни и характера нашего великаго писателя. Съ того времени, авторъ, посвятившій себя этому прекрасному дѣлу, неутомимо и, какъ видимъ, счастливо работалъ, собирая новые матеріалы. Онъ ѣздилъ въ Малороссію, былъ въ родовой деревнѣ Гоголя, видѣлся съ почтенною матерью автора «Мертвыхъ Душъ», Марьею Ивановною Гоголь, услышалъ отъ нея много воспоминаній о сынѣ, получилъ позволеніе пользоваться письмами Гоголя къ ней и сестрамъ. Племянникъ Гоголя и издатель его сочиненій, Н. П. Трушковскій, также познакомилъ его съ своею огромною коллекціею писемъ Гоголя. Т. Аксаковъ, который лучше всѣхъ другихъ друзей Гоголя зналъ его, не только сообщалъ автору «Опыта біографіи» письма Гоголя, но и составилъ для него извлеченіе изъ «Исторіи своего знакомства съ Гоголемъ», которая пока еще должна оставаться въ рукописи. А. С. Данилевскій, князь В. О. Одоевскій, М. П. Погодинъ, г-жа А. С. См—ва, М. С. Щепкинъ и многіе другіе изъ близкихъ знакомыхъ Гоголя предоставили въ его распоряженіе корреспонденцію свою съ Гоголемъ и воспоминанія о немъ. Ѳ. В. Чужовъ написалъ записку о своихъ встрѣчахъ съ Гоголемъ. Благодаря этимъ богатымъ матеріаламъ, біографіи въ новой редакціи приобрѣла объемъ втрое большій того, какой имѣла прежде, и теперь явилась въ двухъ довольно толстыхъ томахъ. Дополненія къ прежней редакціи далеко превосходятъ ее своею массою. Конечно, не всѣ изъ нихъ имѣютъ одинаковую цѣну; но нѣтъ ни одного, которое не было бы интересно въ томъ или другомъ отношеніи, а многія рѣшительно неоцѣнимы по своей важности, особенно матеріалы, полученные отъ г-жи М. И. Гоголь, отъ С. Т. Аксакова, А. С. Данилевскаго, А. С. См—вой и М. С. Щепкина. Почти всѣ хронологическіе пробѣлы, оставленные въ біографіи Гоголя письмами Гоголя къ М. А. Максимовичу и П. А. Плетневу, служившими главнымъ пособіемъ при составленіи «Опыта біографіи», восполнены теперь обильными извлеченіями изъ новыхъ матеріаловъ, и авторъ имѣлъ полное право считать новую редакцію своего труда совершенно новымъ трудомъ. Онъ выразилъ этотъ взглядъ тѣмъ, что въ настоящемъ изданіи далъ своему сочиненію новое заглавіе. Въ первомъ томѣ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя» новыхъ матеріаловъ не менѣе, нежели сколько перешло въ него прежнихъ, изъ «Опыта біографіи», а второй томъ, обнимающій время съ 1842—1844 годовъ до кончины Гоголя, почти весь составился изъ новыхъ матеріаловъ: въ «Опытѣ біографіи» этотъ періодъ занималъ не болѣе 50 страницъ.

Конечно, матеріалы, столь богатые, еще далеко не полны. Самъ авторъ чувствуетъ это живѣе, нежели кто нибудь; потому-то и выпустилъ онъ изъ заглавія своей книги слово «біографіи», говоря тѣмъ, что время для полной біографіи Гоголя еще не пришло. Но если и въ прежней редакціи трудъ его представлялъ довольно данныхъ для поясненія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ

о судьбѣ и характерѣ человѣка, послѣ «Мертвыхъ душъ» напечатавшаго «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», то въ настоящемъ своемъ видѣ «Записки о жизни Н. В. Гоголя» еще положительнѣе объясняютъ и эти вопросы и многіе другіе факты, которыхъ не касался «Опытъ біографіи». Полноты и совершенной удовлетворительности въ нашемъ знаніи Гоголя, какъ человѣка, нѣтъ еще и теперь; но многое въ его жизни мы знаемъ теперь несравненно точнѣе, нежели прежде. Новое изданіе—или новая книга—тѣмъ вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, что отъ своего лица авторъ не прибавилъ ничего. Онъ понялъ, что дѣло собирателя фактовъ важнѣе и выше всякихъ размышленій на готовые темы, и, перепечатавъ «Опытъ біографіи», обогатилъ его единственно фактами, а не фразами. Онъ понялъ свою роль. Желаемъ, чтобы черезъ два года потребовалось новое изданіе его книги, и чтобы въ эти два года счастье благопріятствовало ему, какъ собирателю матеріаловъ, не менѣе, нежели благопріятствовало въ предъидущіе два года.

Пока не будетъ издана вполнѣ вся обширная корреспонденція Гоголя, «Записки о его жизни» останутся богатѣйшимъ источникомъ для изученія судьбы и личности автора «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора». Да и тогда, когда полное изданіе корреспонденціи отниметъ ученую цѣну у «Записокъ», какъ сборника писемъ, достоинство многочисленныхъ эпизодовъ, запасанныхъ авторомъ со словъ матери и друзей Гоголя, останется неприкосновеннымъ. Нужно посвятить довольно долгое время изученію такой книги, чтобы дать полный разборъ ея; теперь мы ограничимся немногими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактовъ, изъ числа объясняемыхъ новыми прибавленіями, и нѣсколькими извлеченіями изъ этихъ прибавленій.

У С. Т. Аксакова хранятся шесть черновыхъ тетрадей, въ которыхъ заключаются подлинники многихъ произведеній Гоголя, писанныхъ до 1836 или 1837 года. Они показываютъ, по словамъ автора «Записокъ», что въ то время «Гоголь долго обдумывалъ то, что желалъ написать, обдумывалъ до тѣхъ поръ, пока его вымыселъ обращался какъ бы въ сложившуюся пѣсню. Онъ вписывалъ свое сочиненіе въ книгу почти безъ помарокъ, и рѣдко можно найти въ его печатныхъ повѣстяхъ какія нибудь дополненія или поправки противъ черновой рукописи. Часто его сочиненія прерываются, чтобы дать мѣсто другой повѣсти или журнальной статьѣ; потомъ, безъ всякаго обозначенія или пробѣла, продолжается прерванный рассказъ и перемеживается съ посторонними замѣтками или выписками изъ книгъ». Тогда, какъ видимъ, Гоголь творилъ легко и беззаботно, не мучась ни сомнѣніями о достоинствѣ написаннаго, ни желаніемъ довести обработку произведенія до того, чтобы на каждомъ словѣ лежала печать гениальности, чтобы произведеніе вышло непремѣнно «колоссальное», и чтобы каждая черта въ немъ была достойна колоссальности цѣлаго. Тоскливая дума объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на него саномъ «генія», не томила его—онъ и не думалъ о томъ, гений онъ или нѣтъ. «Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ (пишетъ онъ матери въ 1835 году), называете меня гениемъ. Какъ бы то ни было, но это очень странно для меня: добраго, простаго человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ—и называть гениемъ! Нѣтъ, маменька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его: иначе, у насъ столько гениевъ, что и не протолпиться».

Тогда онъ еще не поклонялся самому себѣ. Не то было впоследствии. Отъ этого послѣдующаго самообожанія и происходитъ главнымъ образомъ то, что онъ такъ долго не издавалъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ»: онъ боялся, какъ бы не уронить себя, ему все казалось нужнымъ передѣлывать и поправлять, чтобы произведеніе вышло какъ можно «колоссальнѣе». Это не болѣзнь: это просто эгонистическая слабость, которой подвергаются иногда гениальные люди, когда увидятъ, что стали въ общественномъ мнѣніи на неизмѣримую высоту. Этому чувству подвергся и Гете, который поступалъ съ «Фаустомъ» совершенно такъ же, какъ Гоголь съ «Мертвыми Душами». Слабость эта, конечно, вредна для самого человѣка и нисколько не похвальна, но вовсе еще не доказательство болѣзни или упадка въ его талантѣ: Гете до конца жизни умственно и физически былъ здоровъ какъ нельзя лучше. Въ малыхъ размѣрахъ она замѣтна на всѣхъ людяхъ, считающихъ себя оракулами своего муравейника: куда ни обернемся, вездѣ увидимъ такихъ людей. Даже между нашими нынѣшними писателями найдутся такіе олимпійцы, и они, однако же, очень здоровы тѣломъ и не утратили нисколько своего таланта, на сколько имѣли его.

Въ этихъ черновыхъ тетрадахъ есть нѣсколько отрывковъ изъ неоконченныхъ произведеній и, между прочимъ, довольно значительный по объему отрывокъ (первое дѣйствіе вполне, за исключеніемъ небольшого пробѣла, в начало втораго дѣйствія) трагедіи изъ англійской исторіи. Авторъ «Записокъ» напечаталъ его въ числѣ приложений къ своей книгѣ, помѣстивъ другіе отрывки, меньшаго объема, въ текстъ книги. Заглавіе драмы остается неизвѣстнымъ, потому что въ черновыхъ тетрадахъ Гоголь не надписывалъ заглавій. Дѣйствіе происходитъ въ эпоху нападеній датскихъ морскихъ удалцовъ на Англію, во времена Альфреда, который и есть главное лицо пьесы. Идея драмы была, какъ видно, изображеніе борьбы между невѣжествомъ и своеволіемъ вельможъ, угнетающихъ народъ, среди своихъ мелкихъ интригъ и раздоровъ забывающихъ о защитѣ отечества, и Альфредомъ, распространителемъ просвѣщенія и устройтелемъ государственнаго порядка, смиряющимъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Все содержаніе отрывка наводитъ на мысль, что выборъ сюжета былъ внушенъ Гоголю возможностью найти аналогію между Петромъ Великимъ и Альфредомъ, который у него невольно напоминаетъ читателю о просвѣтителѣ земли русской, положившемъ основаніе перевѣсу ея надъ сосѣдями, прежде безнаказанно ее терзавшими. Его Альфредъ несомнѣнно былъ бы символическимъ апотеозомъ Петра. Если Гоголь самъ не захотѣлъ докончить или напечатать эту драму, то, конечно, придавалъ ей менѣе значенія, нежели своимъ другимъ произведеніямъ. Но ошибся бы тотъ, кто, основываясь на нелѣпыхъ повѣршіяхъ о невѣжествѣ и т. д. Гоголя, вздумалъ бы предположить, что онъ не сладилъ съ предметомъ, ему мало извѣстнымъ, и что написанный имъ отрывокъ есть что нибудь уродливое въ историческомъ или художественномъ отношеніи. Напротивъ, въ немъ видно положительное достоинство, и, сколько можно судить по началу, въ этой драмѣ мы имѣли бы нѣчто подобное прекраснымъ «Сценамъ изъ рыцарскихъ временъ» Пушкина. Простота языка и мастерство въ безыскусственномъ веденіи сценъ, умѣнье живо выставить характеры и черты быта не измѣнили Гоголю и въ этомъ случаѣ. Историче-

ская вѣрность строго выдержана. Въ той же тетради находятся рецензіи, изъ которыхъ составилось библиографическое отдѣленіе въ первой книжкѣ пушкинскаго «Современника» (1836). Нѣкоторые изъ этихъ рецензій доселѣ приписывались Пушкину. Въ основаніи журнала Гоголь принималъ очень дѣятельное участіе, какъ видимъ изъ письма его къ г. Плетневу въ 1846 г. Вотъ начало:

«Современникъ» даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ... Впрочемъ, сальнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивъ разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: а умолилъ его. Я обѣщалъ быть вѣрнымъ соотрудникомъ... Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили».

Напечатавъ «Ревизора», Гоголь уѣхалъ изъ Россіи, и только въ послѣднію годы своей жизни рѣшился снова поселиться въ отечествѣ. Кромѣ мысли поправить здоровье, за границею удерживалъ его расчетъ, что это лучше для его литературной дѣятельности. Изъ «прекраснаго далека», по его выраженію, онъ лучше понималъ и живѣе представлялъ себѣ русскую жизнь. Туманность фразъ, въ которыхъ онъ выражалъ это побужденіе, заставляла многихъ обманываться относительно истиннаго ихъ смысла. Изъ сравненія фактовъ, обнародованныхъ нынѣ біографомъ Гоголя, емысль этотъ становится очевиденъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ онъ М. С. Щепкину весною 1886 г., когда г. Щепкинъ хлопоталъ о постановкѣ на московскую сцену «Ревизора», который только что явился на петербургской:

«Моя нѣтъ. Дѣлайте что хотите съ моею пьесой, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама такъ же надоела, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожалы и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я такъ дерзнулъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значить быть коммечевымъ писателемъ. Магійный призракъ истины — и противъ тебя возстають, в не одинъ человекъ, а цѣлыя сословія. Досадно видѣть, противъ себя людей тому, кто ихъ любить, между тѣмъ, братскою любовью».

(Письмо отъ 29 апрѣля 1886 г.).

...Еще разъ повторяю: тоска! тоска! Я усталъ душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего».

(Письмо отъ 25 мая).

Надобно прибавить къ этому отчасти уже данныя прежней редакціи, отчасти новыя письма Гоголя о непріятностяхъ, которыя предшествовали изданію «Мертвыхъ Душъ», надобно прибавить многіе другіе факты того же рода, — напримѣръ, то, что въ 1839 году ѣхалъ онъ въ Петербургъ совершенно здоровый и веселый, а по пріѣздѣ туда, вслѣдствіе различныхъ столкновеній и непріятностей, тотчасъ же лишился хорошаго расположенія духа, — и тогда мы

согласимся съ очень простымъ замѣчаніемъ автора «Записокъ», что «Гоголь жилъ за границею для собственнаго спокойствія»: этимъ словомъ объясняется все, даже и смѣшная для многихъ фраза его, что покинулъ онъ Россію затѣмъ, чтобы вѣрнѣе и лучше описывать ее. Художнику нужна нѣкоторая степень душевнаго спокойствія: иначе, ему очень трудно писать, и еще труднѣе писать безпристрастно.

Тѣ стороны гоголева характера и образа мыслей, слѣдствіемъ которыхъ были «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», сдѣлались разительнѣе замѣтны для его близкихъ знакомыхъ еще съ 1840—1841 годовъ; развитію ихъ содѣйствовалъ какой-то особенный случай, до сихъ поръ остающійся необъясненнымъ, вѣроятно, находившійся въ связи съ жестокою болѣзнію, которую онъ вынесъ въ это время, какъ писалъ (если только подѣ «болѣзнію» надобно понимать не одни душевные страданія). Первое письмо, полученное отъ него послѣ этого загадочнаго перелома С. Т. Аксаковымъ, странно отличалось отъ прежнихъ тономъ и содержаніемъ, въ духѣ «Выбранныхъ мѣстъ». Послѣ того это настроеніе духа постоянно господствовало въ Гоголѣ, — и, однако же, оно не помѣшало ему докончить и напечатать I томъ «Мертвыхъ Душъ». Авторъ «Выбранныхъ мѣстъ», какъ видимъ, вовсе не убивалъ въ Гоголѣ прежняго великаго писателя, не заставлялъ его въ художественной дѣятельности измѣнять прежнему автору «Ревизора». Каждый помнитъ, что публика и литераторы обвиняли Гоголя въ двуличности, притворствѣ, ханжествѣ, когда въ 1847 году явились «Выбранныя мѣста». Въ томъ же самомъ винили его въ 1841 году (передъ изданіемъ «Мертвыхъ Душъ») ближайшіе и лучшіе его друзья, семейство гг. Аксаковыхъ, когда онъ началъ присылать имъ странныя письма въ духѣ этой книги. Они откровенно высказывали ему свое грустное подозрѣніе и упрекали его, какъ видно, за все то, что позднѣе осуждала публика.

Вотъ какъ оправдывается передъ ними Гоголь:

Скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая. Внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ 12-ти лѣтняго, можетъ быть, возраста, я иду тою же дорогою, какъ я нынѣ, не шатаюсь и не колеблюсь въ мнѣніяхъ главныхъ. И теперь могу я сказать, что въ существѣ своемъ все тотъ же.

(Письмо къ С. Т. Аксакову, отъ 16 мая 1844 г.).

Въ письмѣ къ другой особѣ, упоминая съ прискорбіемъ, что лучшіе друзья стали его чуждаться, онъ продолжаетъ:

Это до сихъ поръ неразрѣшимая загадка, какъ для нихъ, такъ и для меня. Но настоящаго свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ не дала мнѣ до сихъ поръ ни одна живая душа. Вотъ уже два года я получаю такіе странные и неудовлетворительные намеки, и такъ противорѣчащіе другъ другу, что у меня просто голова идетъ кругомъ. Всѣ точно боятся меня. Никто не имѣетъ духу сказать, что я сдѣлалъ подлое дѣло, и въ чемъ состоитъ именно его подлость. А между тѣмъ мнѣ все, что ни есть худшаго, было бы легче понести этой страшной невзвѣстности.

(Письмо къ А. Г. О. См—ой, отъ 24 октября 1844 г.).

И однако же, понимая, что его осуждаютъ, онъ не покидалъ своей новой роли, и несмотря ни на что, напечаталъ «Выбранныя мѣста», хотя друзья умоляли его не дѣлать этого. Справедливы ли были его оправданія? Дѣйстви-

тельно ли образъ Понятій, выразившійся «Выбранными мѣстами», былъ искреннѣе его убѣжденіемъ, а не маскою, надѣтою по расчету? И дѣйствительно ли этотъ образъ мыслей не былъ въ немъ новостью, а съ дѣтства постоянно жилъ въ немъ, и только сильнѣе прежняго овладѣлъ его душою вслѣдствіе различныхъ душевныхъ страданій? Надобно думать, что это было дѣйствительно такъ. Все въ томъ убѣждаетъ: многочисленные проблески подобнаго настроенія въ прежнихъ сочиненіяхъ и прежнихъ письмахъ, и природная склонность, которая очень обыкновенна между Малороссами, и твердость, съ какою онъ его держался, самая смерть его и многіе другіе факты.

Путешествіе въ Іерусалимъ было рѣшено въ его умѣ еще въ 1842 году, если не раньше.

Ханжество возможно только для людей съ сухимъ сердцемъ, которые разсчитываютъ каждый шагъ свой для достиженія пользы, и не пренебрегаютъ никакими выгодами, особенно денежными. Хладнокровіе къ деньгамъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что человекъ не ханжа. Въ Гоголѣ было это качество. При всей своей нищетѣ, онъ очень легко прощалъ своимъ знакомымъ ошибки, имѣвшія слѣдствіемъ потерю денегъ, проходившихъ черезъ ихъ руки. Онъ, не имѣвшій никакого обезпеченія для жизни, безпрестанно больной и при болѣзни нуждающійся въ деньгахъ, уступилъ сестрамъ свою часть наслѣдства; нищему и больному отказаться отъ порядочнаго имѣнія, въ обезпеченіе участи сестеръ — это черта не дурная. Ханжа не могъ бы тутъ поступить иначе, какъ выбрать въ свою долю всѣ лучшіе участки, обсчитать и обобрать двѣушекъ, не знающихъ толку въ денежныхъ дѣлахъ. Часть своихъ доходовъ, почти постоянно скудныхъ; онъ употреблялъ на то, чтобы помогать нуждающимся. Что же касается его понятій о необходимости или излишествѣ просвѣщенія, они хорошо доказываются фактомъ, который до сихъ поръ былъ очень мало извѣстенъ. Въ концѣ 1844 года онъ вздумалъ, что часть суммы, выручаемой отъ продажи его сочиненій, надобно обратить на помощь «молодымъ талантливымъ людямъ, воспитывающимся въ Нѣтербургскомъ Университетѣ». Сумма эта должна была проходить черезъ руки посредника, одного изъ друзей Гоголя, и этотъ посредникъ долженъ былъ, конечно, хранить въ глубокой тайнѣ имя жертвователя. Тотъ, который избранъ былъ служить посредникомъ въ раздачѣ денегъ, почелъ такую мысль безразсудствомъ со стороны человека, во всемъ нуждающагося, и просилъ совѣта у одной изъ уважаемыхъ Гоголемъ особъ, А. О. См — ой; вмѣстѣ они старались отклонить Гоголя отъ его намѣренія, говоря, что имъ кажется это не только безразсуднымъ дѣломъ, но и внушеніемъ дурнаго, самолюбиваго чувства. Дѣло осталось неисполненнымъ, потому что посредникъ не соглашался принять деньги, передаваемые ему для раздачи. Относительно Московскаго Университета результатъ былъ удовлетворительнѣе для жертвователя, хотя С. Т. Аксаковъ, котораго Гоголь просилъ быть посредникомъ, также сначала старался доказать ему, что лучше бросить эту мысль. Въ Москвѣ до сихъ поръ хранятся у одного изъ друзей Гоголя банковые билеты на 2,500 р. сер., положенныхъ въ приращеніе процентами «для помощи бѣднымъ талантливымъ студентамъ Московскаго Университета». Въ то самое время, когда шло дѣло о печатаніи «Выбранныхъ мѣстъ», онъ хотѣлъ издать въ пользу бѣдныхъ «Ревизора» съ прибавленіемъ

новой пьесы «Развязка Ревизора». Друзья отклоняли его отъ этого намѣренія, потоу что находили «Развязку» еще болѣе неумѣстною въ печати, нежели «Выбранныя мѣста». Дѣло затянулось, и паденіе «Выбранныхъ мѣстъ» заставило Гоголя отказаться отъ «Развязки», а вмѣстѣ и отъ новаго изданія «Ревизора». Друзья Гоголя были чрезвычайно огорчены намѣреніемъ Гоголя издать «Выбранныя мѣста» изъ тѣхъ странныхъ писемъ, которыя присылалъ оуъ имъ съ 1841 года. Приводимъ относящійся къ этому дѣлу отрывокъ изъ мемуара, составленнаго С. Т. Аксаковымъ для «Записокъ о жизни Гоголя».

«Въ концѣ 1846 года, во время жестокой моей болѣзни, дошла до меня слухъ, что въ Петербургѣ печатается «Переписка съ Друзьями»: мнѣ даже сообщали по нѣсколькѣ строкъ изъ разныхъ ея мѣстъ. Я пришелъ въ ужасъ и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмо, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хотъ на нѣсколько времени. На это письмо я получилъ отъ Гоголя отвѣтъ уже въ 1847 году. Вотъ онъ:

«Неаполь, 1847, января 20, нов. ст.

«Я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Сергѣй Тимофѣевичъ. Благодарю васъ за него. Все, что нужно взять изъ него къ соображенію, взято. Синѣ бы слѣдовало в ограничиться, но, такъ какъ въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безповойство обо мнѣ, то я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрывать, потому что былъ неглупъ—вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ вашихъ выводовъ в заключеній обо мнѣ (сдѣланныхъ, какъ вамъ, такъ в другими) было то, что я, понадеявшись на свои силы и на (будто бы) совершавшуюся зрѣлость свою, отважился заговорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вотъ вамъ вся исторія моего мистицизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще жечь то, что слѣдуетъ жечь, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ ва счетъ сочиненій моихъ. Отчасти неблагоприятныя подталкиванія со стороны ихъ, отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанія нахожусь, были причиной появленія статей, такъ возмущившихъ духъ вашъ. Съ другой стороны, совершилось все это не безъ воли Божіей. Появленіе книги моей, содержащей переписку со многими замѣчательными людьми въ Россіи (съ которыми я бы, можетъ быть, никогда не встрѣтился, если бы жилъ самъ въ Россіи в оставался въ Москвѣ), нужно будетъ многимъ, не смотря на всѣ непонятныя мѣста, во многихъ истинно существенныхъ отношеніяхъ. А еще болѣе будетъ вужно для меня самого. На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ то же время *ясаъ*, то есть *молъ читателей*. Не увидѣвши ясае, что такое въ настоящую минуту я самъ и что такое моя читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности едѣлать дѣльно свое дѣло. Но это вамъ покуда не будетъ понятно; возьмите лучше это просто на вѣру: вы чрезъ то останетесь въ барышахъ. А чувствъ вашихъ отъ меня не скрывайте никакихъ. По прочтеніи книги, тотъ же часъ, покуда еще ничто непорочно, изливайте все наголо, какъ есть, на бумагу. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если у васъ будутъ вырываться жесткія слова: это совершенно ничего: я даже ихъ очень люблю. Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе и искреннѣе, тѣмъ въ болышихъ останетесь барышахъ. Руку для того употребляйте первую, какая вамъ подвернется. Кто почтетъ и побойтѣе пишехъ, тому и диктуйте. Секретовъ у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ— — —

«Другъ мой, вы не взвѣсили какъ слѣдуетъ вещи, и слова ваши вздумала

подкрѣплять словами самого Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, ввесь Его во все дѣла свои, помышленія и начинанія, имъ осмыслить всю жизнь свою и весь исполненный духа Христова. А иначе—во вѣрномъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано.

«Но довольно съ васъ. Не забудьте же: откровенность во всемъ, что ни относится въ мыслить вашихъ до меня.»

«Изъ этого отвѣта видно (говорить С. Т. Аксаковъ), что, если мое письмо и поколебало Гоголя, то онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться; а что онъ поколебался, это доказывается отвлеченіемъ нѣкоторыхъ распоряженій его, связанныхъ съ издаваемъ «Ревизора съ Рязнякой». На нихъ я нападать всего боюсь, но объ этомъ говорить еще рано. Между гѣмъ мнѣ прочли кое-какъ два раза его книгу (я былъ еще боленъ и ужасно страдать). Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія и продиктовать къ Гоголю другое, небольшое, но жесткое письмо. Въ это время N*N*, въ письмѣ во мнѣ, сдѣлать нѣсколько очень справедливыхъ замѣчаній. Я послать и его письмо вмѣстѣ съ своимъ къ Гоголю. Вотъ его отвѣтъ на оба письма:

«1847 г., 6 марта. Неаполь.

«Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки; отъ нихъ хоть и чихнулось, но чихнулось во здравіе. Поблагодарите также добраго N*N* и скажите ему, что я всегда дорожу замѣчаніями умнаго человѣка, высказанными откровенно. Онъ правъ, что обратился въ вамъ, а не ко мнѣ. Въ письмѣ его есть точно нѣкоторая жестокость, которая была бы неприлична въ общеніи съ человѣкомъ, не очень коротко зваемымъ. Но этия самымъ письмомъ къ вамъ онъ открылъ себѣ теперь дорогу высказывать съ подобной откровенностью мнѣ самому все то, что высказывать вамъ. Поблагодарите также и милую супругу его за ея письмо. Скажите имъ, что многое изъ ихъ словъ взято въ соображеніе и заставило меня лишій разъ построже взглянуть на самого себя. Мы уже такъ странно устроены, что до тѣхъ поръ не увидимъ ничего въ себѣ, покуда другіе не наведутъ насъ на это. Замѣчу только, что одно обстоятельство не принято ими въ соображеніе, которое, можетъ быть, иное показало бы имъ въ другомъ видѣ; а именно: что человѣкъ, который съ такой жадностью ищетъ слышать все о себѣ, такъ ловить всѣ сужденія и такъ умѣетъ дорожить замѣчаніями умныхъ людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человѣкъ не можетъ находиться въ полномъ и совершенномъ самоослѣпленіи. А вамъ, другъ мой, сдѣлаю я маленькій упрекъ. Не сердитесь: уговоръ былъ принимать не сердясь взаимно другъ отъ друга упреки. Не слишкомъ ли вы уже положились на вашъ умъ и непогрѣзительность его выводовъ? Дѣлать замѣчанія—это другое дѣло; вто имѣть право дѣлать всякій умный человѣкъ и даже просто всякій человѣкъ. Но выводить изъ своихъ замѣчаній заключеніе обо всемъ человѣкѣ,—это есть уже нѣкотораго рода самоуверенность.»

Черезъ нѣсколько времени послѣ своего отца, послалъ Гоголю строгій разборъ его книги К. С. Аксаковъ. Гоголь защищался слѣдующимъ образомъ:

«Юля 3 (1848). Васильевва.

«Откровенность прежде всего, Константинъ Сергѣевичъ. Такъ какъ вы были откровенны в сказали въ вашемъ письмѣ все, что было на душѣ, то и я долженъ сказать о гѣхъ ощущеніяхъ, которыя были во мнѣ при чтеніи письма вашего. Во первыхъ, меня нѣсколько удивило, что вы, намѣсто навістій о себѣ, распространялись о книгѣ моей, о которой я уже не полагалъ услышать что-либо по возвратѣ моемъ на родину. Я думалъ, что о ней уже всѣ толки кончились и она предана забвѣнію. Я, однако же, прочелъ со вниманіемъ три большія ваши страницы.

«Вот мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ то время, когда в прочелъ слова писъна вашего: «Главный недостатокъ книги есть тотъ, что она—ложь». Вотъ что я подумалъ. Да кто же изъ насъ можетъ такъ рѣшительно выразиться, кромѣ развѣ того, который утѣривъ, что онъ стоитъ на верху истины? Какъ можетъ кто-либо (кромѣ говорящаго развѣ Святынь Духомъ) отличить, что ложь в что истина? Какъ можетъ человѣкъ, подобный другому, страстный, на всякомъ шагу заблуждающійся, изречь справедливый судъ другому въ такомъ смыслѣ? Какъ можетъ онъ, неопытный сердцеанатель, назвать ложью сплошь, съ начала до конца, какую бы то ни было душевную исповѣдь, онъ, который и самъ есть ложь, по слову Апостола Павла? Неужели вы думаете, что въ вашихъ сужденіяхъ о моей книгѣ не можетъ также закрасться ложь? Въ то время, когда я надавалъ мою винту, мнѣ казалось, что я ради одной истины издаю ее; а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Развѣ не можетъ случиться того же и съ вами? Развѣ и вы не человѣкъ? Какъ вы можете сказать, что вашъ выѣшній взглядъ непогрѣшителенъ и вѣренъ, или что вы не измѣните его никогда?»

Мы видимъ, Гоголь уже сознается, что многого въ своей книгѣ стыдится. Никакія оправданія и извиненія не помогли: надобно было согласиться, что книга, съ равнымъ негодовашиемъ принятая всѣми образованными людьми, дѣйствительно принесла своему автору позоръ. Тогда онъ писалъ къ бѣдному утѣдному священнику отцу Матвѣю, бывшему ему посредникомъ при вспоможеніяхъ бѣднымъ—отецъ Матвѣй также осудилъ «Выбранныя мѣста»—слѣдующіи слова:

«Всѣ слова ваши—святая истина... Скажу вамъ нелицемѣрно и откровенно, что виной множества недостатковъ моей книги не столько гордость и самоослѣпеніе, сколько незрѣлость моя. Я началъ поздно свое воспитаніе,—въ тавіе годы, когда другой человѣкъ уже думаетъ, что онъ воспитанъ. Обрадовавшись тому, что удалось въ себѣ побѣдять многое, я вообразилъ, что могу учить и другихъ, издалъ книгу,—и на ней увидѣлъ ясно, что я—ученикъ. Желаніе и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу; а какъ вышла моя книга, я увидѣлъ на ней тоже, что есть во мнѣ и гордость, и самоослѣпеніе, и много того, чего бы я не увидѣлъ, если бы не была издана моя книга... вы сами, вѣрно, знаете, что отъ людей близкихъ не услышишь осужденія.

«Но когда раздадутся со всѣхъ сторонъ кривя по поводу какого-нибудь публичнаго нашего дѣйствія и разберутъ по ниткѣ всякую рѣчь нашу и всякое слово, в когда, руководимые и личными нерасположеніями, и недоразумѣніями, станутъ открывать въ насъ даже и то, чего нѣтъ, тогда я самъ станешь искать въ себѣ того, чего прежде и не думалъ бы искать. Есть люди, которымъ нужна публичная, въ виду всѣхъ данная оплеуха. Это я сказалъ гдѣ-то въ писмѣ, хотя и не зналъ еще тогда, что получу самъ эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не выѣлъ духу заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; я краснѣлъ отъ стыда в закрывалъ лицо себѣ руками, при одной мысли о томъ, какъ непримично и какъ дерзко выразился я о многомъ.

«Что же до вліянія на другихъ, то мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отъ книги моей распространился вредъ на нихъ. За что Богу такъ ужасно меня наказывать? Нѣтъ, Онъ отклонить отъ меня такую страшную участь, если не ради моихъ безенныхъ молитвъ, то ради молитвъ тѣхъ, которые Ему молятся обо мнѣ и умоютъ угождать Ему,—рада молитвъ моей матерв, которая вѣтъ-за меня вся превратилась въ молитву».

Фраза изъ «Выбранныхъ мѣстъ», примѣняемая здѣсь къ себѣ Гоголемъ, была публично брошена въ глаза ему однимъ изъ нашихъ критиковъ, болѣе

всѣхъ остальныхъ содѣйствовавшихъ утвержденію колоссальной славы Гоголя, какъ автора «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Въ его полной негодованія статьѣ о «Выбранныхъ мѣstechъ» было сказано, послѣ всѣхъ жаркихъ опроверженій:

«Теперь вопросъ: зачѣмъ написана эта книга?

«Это также трудно рѣшить, какъ и то, зачѣмъ написаны авторомъ эти строки: «О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ оплеуха».

(«Современникъ», 1847 г. № 2, библиографія, стр. 124).

Эта критика чрезвычайно сильно подѣйствовала на Гоголя, вѣроятно сильнѣе всего, что когда либо онъ слышалъ въ осужденіе себѣ. Она послужила причиною, что Гоголь написалъ въ оправданіе себѣ «Авторскую Исповѣдь». Но «Авторская Исповѣдь» есть уже вторая, позднѣйшая редвѣщаніи оправданія; прежде, Гоголь хотѣлъ дать ему форму обширнаго письма,—письмо это было имъ изорвано, но издатель «Записокъ» нашелъ разорванныя лоскутки, сложилъ ихъ, и такимъ образомъ возстановилъ очень важный фактъ для исторіи нашей литературы.

Публика давно рѣшила споръ, признавъ «Выбранныя мѣста» пятномъ на имени Гоголя, какъ писателя. Приговоръ такъ единодушенъ и положителенъ, опирается на такихъ безспорныхъ фактахъ, и ввухенъ такими справедливыми понятіями объ обязанностяхъ писателя, что нѣтъ возможности противорѣчить ему. Но публика не знаетъ еще—не знаемъ и мы—Гоголя, какъ человѣка, на столько, чтобы съ достаточною точностью рѣшить, должно ли это пятно клеймить его какъ человѣка, по внѣшнимъ соображеніямъ или обстоятельствамъ рѣшившагося играть роль, жалкіи стороны которой онъ понималъ, но надѣялся прикрыть блескомъ своей славы; или его книга свидѣтельствуетъ только о слабости характера, не выдержавшего обольщеній славы, но искренняго въ своемъ заблужденіи, думавшаго переучить всѣхъ, заставить всѣхъ силою своего таланта и славы признать справедливымъ то, что прежде казалось имъ несправедливымъ; или наконецъ онъ предвидѣлъ насмѣшки, которымъ подвергнется, но совершалъ высокій, какъ ему казалось, подвигъ, подвергая себя нападеніямъ, лишь бы только исполнить долгъ, возлагаемый на него совѣстью. Поступалъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ какъ Чичиковъ, или гордецъ, или энтузіастъ? Кажется, и то, и другое, и третье вмѣстѣ, но съ рѣшительнымъ перевѣсомъ не сторонѣ двухъ послѣднихъ элементовъ—гордаго самообольщенія и особенно энтузіазма. Энтузіазмъ его несомнѣненъ. Какъ велико было участіе разчета? И было ли оно? Объ этомъ пока ничего еще нельзя сказать рѣшительнаго, кромѣ только того, что искренность его убѣжденій едва ли подлежитъ сомнѣнію; и что если въ немъ, какъ во всякомъ человѣкѣ, къ чистымъ побужденіямъ примѣшивались разчеты, то все-таки въ основаніи лежало безкорыстное (хотя ошибочное и по своимъ слѣдствіямъ вредное) убѣжденіе, а не разчетъ. что, совершая поступокъ, повредившій его литературной славѣ и вредное вліяніе на литературу, онъ въ сущности дѣйствовалъ (хотя и заблуждающійся) энтузіастъ. Должно жалѣть, возможно, не смотря на слабости, развитія въ немъ

не уважать его, потому что натура его была, какъ то по всему видно, чрезвычайно благородна и въ самомъ паденіи сохранила евою высоту. Кого изъ пыдкихъ людей жизнь не увлекала часто въ поступки, недостойные ихъ характера? И, каковы бы ни были нѣкоторые поступки Гоголя и даже нѣкоторыя стороны его характера, все-таки нельзя не видѣть въ немъ одного изъ благороднѣйшихъ людей нашего вѣка. Лейпцигъ и Ватерлоо не мѣшвють намъ признавать въ Наполеонѣ величайшего полководца своего времени. Съ жизнью но всегда сладить самый сильный человекъ, — а Гоголь, при чрезвычайно пылкой натурѣ, былъ одаренъ, какъ по всему видно, довольно слабыхъ характеромъ. На столько мы уже знаемъ этого человека, чтобы извинять ему все, въ чемъ еще не можемъ оправдать его; и всѣ вѣроятности убѣждаютъ насъ, что многого мы не можемъ еще оправдывать только потому, что многого еще не знаемъ. Гоголь принадлежитъ къ числу людей, которые тѣмъ болѣе выгрывають, чѣмъ ближе узнаемъ ихъ.

Возвращаясь къ его обширному оправдательному письму, должны мы замѣтить, что въ сущности защита его противъ критика, изобличавшего «Выбръанныя мѣствъ», ограничивается тѣмъ же аргументомъ, который противопоставлялъ онъ г. К. Аксакову: «не ваше дѣло судить объ этомъ; человеку не дано силы безошибочно различать истину отъ неправды; вы обижаете меня вашими подозрѣніями; вы не знаете моихъ побужденій; вы не поняли моей книги; вы не имѣете столько знаній, чтобы судить о подобныхъ вещахъ; я въ васъ не признаю авторитета» и т. п. — доводы, въ сожалѣніе, очень слабые. Болѣе сильныхъ Гоголь и не могъ представить, пока дѣло шло о томъ, что напечатано въ книгѣ; книгу его нельзя оправдать: она жива. Можно только понять изъ его жизни, какимъ образомъ дошелъ онъ, вовсе не по своей волѣ, до странныхъ заблужденій, которыя казались ему истиной — и теперь это уже довольно ясно.

Мы не воспользовались еще и десятою частью тѣхъ новыхъ матеріаловъ, которые хотѣли указать читателю, какъ особенно важные въ «Запискахъ о жизни Гоголя». Но чрезвычайная важность ихъ уже видна изъ немногихъ примѣровъ, нами приведенныхъ.

Повторяемъ: «Записки о жизни Н. В. Гоголя», по высокому интересу содержанія, заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія со стороны каждаго, хотя сколько нибудь интересующагося исторіею нашей литературы.

Для легкаго чтенія. Повѣсти, рассказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ I. Спб. 1856.

Книжный магазинъ Давыдове и Комп. предпринялъ опытъ дешеваго компактнаго изданія современныхъ русскихъ беллетристовъ, и нынѣ представляетъ публикѣ начало своего предпріятія. Покуда мы успѣемъ сказать только о наружности изданія и перечислить его содержаніе. Наружность довольно красивая, объемъ значительный (362 стр. въ 12 д.), цѣна 1 р. сер. Содержаніе 1-го тома:

Полянка Саксъ, повѣсть А. Дружинина.

Дурочка Дуня, А. Майкова.

Необдуманный шагъ, разсвѣтъ Н. Станицкаго.

Изъ Байрона (два стихотворенія), Л*.

Прохожій, рассказъ *Д. Григоровича*.
Трѣ стихотворенія *И. Некрасова*.
Дневникъ лѣшняго человѣка, повѣсть *И. Тургенева*.
Переписка двухъ барышень, *Н. Станкевича*.

По заглавіямъ статей читатель видитъ, что «Легкое Чтеніе» предлагаетъ ему вещи, уже бывшія однажды въ печати. Дѣйствительно, такова цѣль издателей: они желаютъ соединить въ своемъ изданіи повѣсти и рассказы русскихъ писателей, разбросанные въ журналахъ и заслуживающіе перепечатки. Вопросъ, стало быть, въ томъ: удовлетворителенъ ли выборъ издателей, иди, яснѣе, доступны ли имъ произведенія тѣхъ русскихъ писателей, которыми интересуется публика? Отвѣтъ на это въ вышеприведенномъ содержаніи перваго тома и въ нижеслѣдующемъ оглавленіи втораго, который изготавляется къ выходу. Содержаніе 2-го тома:

Иванъ Савичъ Поджабринъ, повѣсть *И. А. Гончарова*.
Дантъ въ Венеціи, стихотвореніе *Л.*
Не въ свов сани ве садись, комедія *А. Н. Островскаго*.
На Черномъ морѣ (1855), стих. *Я. П. Полонскаго*.
Капризная женщина, повѣсть *И. Н. Станицкаго*.
Срубленный лѣсъ (отрывокъ), стихотв. *П. А. Некрасова*.
Сосѣдка, повѣсть *Д. В. Григоровича*.
Вечерніе визиты, рассказъ *А. В. С****.
Записки маркера, рассказъ *г-р. Л. Н. Толстаго*.

Мы убѣждены, что изданіе Давыдова и Коми. пріобрѣтеть себѣ огромную массу читателей, если составъ его будетъ всегда такъ блистателенъ, какъ въ двухъ первыхъ томахъ. Обращаемъ вниманіе читателей на дешевизну изданія, такъ какъ эта попытка у насъ совершенно новая, принадлежащая магазину, недавно начавшему свою дѣятельность, — попытка, которую весьма пріятно было бы видѣть поддержанною со стороны публики: за 400 компактныхъ страницъ текста, написаннаго извѣстными писателями, издатели назначили 1 р. сер. Это, дѣйствительно, дешево.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Тома V и VI. Москва. 1856.

Перепечатывая вторымъ изданіемъ прежніе четыре тома «Сочиненій Гоголя», г. Трушковскій объявилъ, что надѣется современемъ присоединить къ нимъ пятый томъ, въ которомъ будутъ собраны не вошедшія въ прежнее изданіе статьи Гоголя, помѣщенные въ «Арабескахъ» и разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въмѣсто одного тома, г. Трушковскій даетъ теперь два, присоединивъ къ этимъ статьямъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» и нѣсколько неизданныхъ произведеній и отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Гоголя. «Такимъ образомъ—говоритъ г. Трушковскій—эти шесть томовъ, вмѣстѣ съ «Мертвыми Душами», составятъ почти полное собраніе сочиненій Гоголя». Дѣйствительно, только «почти», но еще не совершенно полное. Изъ напечатанныхъ произведеній Гоголя пропущены издателемъ двѣ статьи, указанные г. Геннадіи («Списокъ сочиненій Гоголя», «Отечественныя Записки»